

ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ

Юлиуш Словацкий

Статьи

Вступление В. Оскоцкого

В Кракове, в усыпальнице древнего Вавеля, стоят два надгробия. «Адам Мицкевич» — вырезано на одной плите. «Юлиуш Словацкий» — на другой. Есть что-то символическое в том, что два величайших поэта Польши, которых многое разделяло при жизни, погребены рядом: в сознании польского народа их имена существуют неразрывно.

Произведения Мицкевича и Словацкого — это вершина революционного романтизма в польской поэзии. В их творчестве одновременно проявились тенденции, которые в дальнейшем привели к рождению польского реализма. Сохранившие до наших дней силу эмоционального воздействия стихи и поэмы Мицкевича и Словацкого дороги потомкам потому, что в них обрели свое истинное звучание идеи борьбы за свободу родины, которыми жили многие поколения польских патриотов.

«Бурнопламенным демократом» назвал Юлиуша Словацкого Вацлав Воровский. Это краткое определение невольно приходит на память, когда думаешь об основных мотивах, которыми проникнуто творчество поэта. Любовь к родине, свободолюбие, вера в силы народа — вот чувства, наполнившие поэзию Юлиуша Словацкого живительными соками. Тема родины и борьбы за ее свободу прозвучала уже в первых увидевших свет стихах Словацкого. Его «Гимн» был воспринят современниками как страстный призыв к всенародному восстанию:

Блещет вольности луч,
Слышен вольности клич,
Крепнет вольности древо.

(Перев. М. Павловой)

«Ода к свободе», «Кулик», «Песня литовского легиона» и многие другие стихи, принесшие поэту славу и любовь соотечественников, были не просто взволнованным откликом на события революции 1831 года. Словацкий стал певцом этой революции, и поэзия была для него оружием борьбы против тирании и клерикальной реакции. Подобно Мицкевичу, написавшему на своем знамени вошедшие в историю слова «За вашу и нашу свободу», Словацкий мечтал о свободе для всех народов земли:

Значит, солнце свободы восходит над всеми!
Значит, крылья свободы весь мир обнимают!

(Перев. А. Коваленского)

Вынужденный в канун поражения революции покинуть Польшу, Словацкий разделил судьбу многих патриотов-изгнанников. Годы странствий по Англии и Франции, Италии и Швейцарии, Египту и Палестине не погасили в нем воли к борьбе. В стихотворном послании к матери (1838—1839) Словацкий говорил:

Я смерть кандалам предпочту, дорогая,
А чаре позора — отчаянья чару.

(Перев. М. Живова)

Писал ли поэт стихотворные послания близким ему людям, воспевал ли красоты экзотических стран Востока, вел ли воображаемый разговор с египетскими пирамидами или снежными вершинами швейцарских Альп, раздумья об оставленной родине и любовь к ней жили в его сердце, звучали в каждой строке, выходявшей из-под его пера.

Лучше многих своих современников понимал Словацкий безнадежность борьбы, ведущейся в отрыве от народа. Вот почему проблема личности и общества органически входит в его творчество и становится главным содержанием его поэм и драм. Осуждение индивидуализма проступило уже в ранних поэмах Словацкого «Гуго» (1829), «Монах» (1830), «Ян Белецкий» (1830), «Змей» (1832). Зрелым мыслителем показал себя поэт, когда в драме «Кордиан» (1834), ставшей бессмертным поэтическим откликом на трагедию подавленной революции, он развенчал ложную романтику жертвенного подвига бунтаря-одиночки, олицетворившего собой слабости польской шляхты, ее неспособность к активному действию.

Только с народом связывал поэт свои мысли о свободе Польши. «Простой народ люблю я больше, чем кости мертвецов», — говорил поэт в поэме «Бенёвский» (1841), разумея под мертвецами шляхетских аристократов. Слово «народ» начертал он огненными буквами на знамени рыцаря, который появляется в финале аллегорической поэмы «Ангелли» (1838), чтобы напомнить погрязшим в мелочных дрязгах и ссорах польским эмигрантам об их призвании борцов. Неслучайно это слово употреблено и в письме Словацкого к матери, в котором поэт дает оценку своей «любимицы», драмы «Балладина» (1834), основанной на фольклорных мотивах украинской песни и сказки: «Написана она так, как мог бы сложить ее сам народ».

Размышляя о судьбах родины, Словацкий часто обращался к истории других народов, чтобы глубже проникнуть в события современности. Освободительная борьба греческого народа против турецкого владычества подсказала Словацкому тему поэмы «Ламбро» (1835), борьба шотландского народа за независимость стала темой трагедии «Уоллес» (1835), а восстание украинских крестьян против помещичьего гнета — драмы «Серебряный сон Саломей» (1842). Переключаясь с Мицкевичем, поэт воспел мужество русских декабристов в поэме «Фантазий», посвятил волнующие строки поэмы «Ангелли» княгине Екатерине Трубецкой, самоотверженно разделившей с мужем тяготы сибирской каторги. Любовь Словацкого к Пушкину и Лермонтову, восторженное признание их борьбы с самодержавием проступило в строфах поэмы «Бенёвский».

Неослабевшие в годы скитаний на чужбине мотивы ранней патриотической лирики зазвучали в стихах Словацкого с еще большей силой в 1846—1848 гг., когда новое революционное движение охватило польские земли и поэт получил возможность снова увидеть родину, встретиться с близкими. В стихотворении «И выйдут сто рабочих» Словацкий так откликнулся на революционные события в Кракове 1846 года:

Народ валит, чтоб в ключья
Рвать старые законы.
Знамена, что истлели,
Влекут из подземелий,
И на кладбище старом
Горят они пожаром,
Чтоб видел мир, как пламя
Сожгло былого знамя.

(Перев. М. Живова)

Но и на этот раз сокровенные чаяния поэта не осуществились. Поражение новой революции стало для Словацкого личной трагедией, которая ускорила его кончину. Лишь много десятилетий спустя, в народно-демократической Польше наших дней стали явью мечты Словацкого о свободе польского народа.

В Году Словацкого, каким объявлен год 1959, польская и мировая общественность отметили две даты: в апреле — 110 лет со дня смерти и в сентябре — 150 лет со дня рождения великого поэта.

ПОСВЯЩЕНИЕ

к «Поэме Пяста Дантышека об аде»

Печальная вдова, народа мать!
У ног твоих слагаю я, Варшава,
Хвалу тому, кто пал в борьбе кровавой,
И тем, кто верит: можешь ты восстать!

На тысячи безвольных бледных лиц
Ты хочешь брызнуть жертвенною кровью,
Я песнь кладу у ног твоих с любовью,
У ног твоих я простираюсь ниц.

Я не поверю, чтобы испугала
Варшаву рать царя и лес знамен.
Когда узнал: ты на колени пала,
Я вестью был, как громом, поражен.
Подумав, так сказал я, наконец:
«Она нагнулась, чтоб поднять венец,
С ее чела скатился наземь он».

Перевод С. Свяцкого

УСПОКОЕНИЕ

Что нам измены? Стоит над Варшавой колонна,
Серые тучи раздвинуло мощное лоно,
И журавлиная стая присела на миг на вершине,
Так одиноко блестящей в надоблачной сини!
А за колонной, в туманы одеты цветные,
Башни соборные подняли гордые выи,
И в перспективе небесной синеющей сцены
Серыми кажутся Старого Города стены;
Дальше в тумане уже наступающей ночи
Зелены окна, как Яна Килинского очи.
Лишь временами они поглядят упырями —
Если прохожие их осветят фонарями.

Бремя страданья однажды пружину ломает,
И для начала на Рынке * глаза засверкают,
Огненным взглядом насквозь прожигая округу.
После — дома, покачнувшись, прижмутся друг к другу.
Вслед за домами, пройдя по заоблачным безднам,
Вдруг засияет заря в полумраке небесном.
Бешеный ветер ворвется вослед за зарю,
Крики о мщенье и вопли влача за собою.
Ангелы божии тот ураган составляют.
Он, словно пламя, горит, как алмазы, сияет.
Он в Свентоянских виденьях ярился когда-то.
Ветер подхватит и мщенье и грома раскаты,
Темную улочку перегородит и грозно
В ней закипит, словно в горне кипящая бронза,
Чтоб эта улочка, вздрогнув от ветра сначала,

* Район Варшавы.

После волом сицилийским на город мычала.
Воры сердец наших в это мгновенье учуют,
Что ураганы на город из улочки дуют.
Крик сквозь гармонию звуков прорвется над нами,
За кафедральный собор задевая крылами,
Замок охватит, разверзнет ему его лоно,
После ударится он в Сигизмунда колонну,
Чтоб ее камни, как горное эхо, звучали,
Напоминая о грустном далеком хорале.
Только услышу под ветром гудящие стены,
Этот хорал зазвучит в моем сердце мгновенно.

Камни костела дрожат от подножья до крыши.
Плачущий звон колокольный уходит все выше.
Где-то на площади тают протяжные стоны —
В сумраке лунном звучит, словно арфа, колонна.
Что же потом? Словно мрачная буря, бушуя,
«Нех жие Польска!» иное ли что? Не скажу я.
Крики, что кони, сорвутся с узды и над нами
Взмоют, соборные стены цепляя крылами.
Город послушает, выставив длинное ухо,
Скажет, что это проделки нечистого духа,
Скажет, что демон, призвав огневые стихии,
Мчит колесницу и молнии мечет златые
И что сапожники гибнут, залитые кровью, —
Так Маккавеев топтали шеренги слоновьи.
Скажет, что месяц, когда из-за облака выйдет,
Дымную кровь и народ перебитый увидит
И озарит окончанье большого сраженья,
Темные улицы, холод и мрак запустенья...

Но когда город от ужаса слух потеряет,
Улицу снова порыв урагана вздымает —
Крик одинокий...
Что же потом? Отзовется на возглас печальный
Вставший над улицей тихий собор кафедральный.
Разноголосые крики и вой урагана
Город метнет, как глухие аккорды органа,
Громче и громче, покуда с гармонией сонной
Он не покончит, столкнув ее с камнем колонны.
В это мгновение сызнова вопли услышат:
Уличный «Vivat» — из тех, что державы колышут,
Уличный «Vivat» — такими душа окрылится,
Так что она затрепещет, забьется, как птица,
Крик, от которого сердце застонет, заночет,
Так что ни смеха, ни слез оно больше не скроет.
Пели, как ангелы, адскими духами выли,
Люди, которые крик этот в душу пустили.
Эдакий крик, этот гул ураганный и шквальный,
Вдруг разобьется о мощный собор кафедральный,
Дальше рванется, а вслед, словно дьяволы ада,
Камни завоюют и стен зарыдает громада.
Но вслед за этим иное услышится слово:
Хор голосов воспоет воскресенье Христово.

Прежде чем смолкли аккорды гармонии сонной,
 Этот же ветер на каменной арфе колонны
 Тронул струну. И колонна, качая вершину,
 В то же мгновенье соборный хорал заглушила.
 Городу будут рассказывать оба напева
 О нарастающих волнах народного гнева.
 Если ж такая у улицы узкая глотка,
 Что вырывается слово и хлещет, как плетка;
 Если поступков и дел ежедневную скверну
 Рынок и улица судят сурово и верно;
 Если однажды на улице вспыхнет восстанье,
 Испепеляя того, кто мешать ему станет;
 Ежели улице силы и мощи достало,
 Чтобы из камня простого исторгнуть хоралы
 И превратить в музыканта колонну мгновенно,—
 Тот человек, кто повсюду боится измены,
 Призраки ужаса видит повсюду спросонок,—
 Трус малодушный иль попросту малый ребенок.

ПРОРОЧЕСТВО

Когда роза на голой скале расцветет
 И дубы зашумят вековые —
 Эмигрант только к господу богу пойдет
 С заявленьем о визе на выезд.

И приложит к ней солнце Христос, как печать,
 Голубь-дух нам прогоны оплатит,
 И монархии будут, как листья, дрожать,
 Нечестивцы в печали восплачут.

Засияют, как факелы, наши штыки,
 Сабли ржавые вспыхнут огнями,
 И разбитые на мостовых башмаки
 Застучат веселей каблуками.

В Польшу птицы небесные весть донесут,
 Что мы вышли с мужицкой дубиной,
 И железные рыцари вспять побегут
 Перед нашею грозной лавиной.

подави же наш страх и пошли нас вперед!
 Слезно, господи боже, прошу я.
 Пусть же роза скорей на скале расцветет,
 Пусть дубы поскорей забушуют.

Потому что не раньше, чем роза и дуб
 На бесплодном граните воспрянут,—
 Исполненье надежд и желаний найду:
 Гром небесный из облака грянет.

Перевод Б. Слуцкого

